

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

**Сборник материалов XIV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 25–27 апреля 2018 г.)**

**Выпуск 14
Том 2**

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

И.И. Атапин

«ЖГУЧИЙ ВОПРОС НОВОГО БЫТА»: АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЗАПРЕТ СТРОИТЕЛЬСТВА ДОМОВ-КОММУН В НОВОСИБИРСКЕ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент О.В. Богданова

В статье рассматривается эпизод из истории сибирского градостроительства, связанный с дискуссией о возведении дома-коммуны завода Сибкомбайн в Новосибирске (февраль – июнь 1930 г.).

Ключевые слова: архитектура, конструктивизм, Новосибирск, дома-коммуны.

Во второй половине 1920-х гг. в застройке Новосибирска прочно утвердился конструктивизм – ведущее авангардное направление советской архитектуры. Многие архитекторы-конструктивисты активно отстаивали идеи коллективизации и «обобществления быта». К концу 1920-х гг. в архитектурных дискуссиях «первой и главенствующей стала мысль о том, что нового человека невозможно сформировать в условиях старых архитектурных пространств, то есть в зданиях привычной планировки» [1. С. 78]. Воплощением этой мысли стали дома-коммуны, которые задумывались как образцы нового рабочего жилища.

Постановление ЦК ВКП(б) от 16 мая 1930 г. «О работе по перестройке быта» поставило точку в истории строительства домов-коммун, раскритиковав «немедленное и полное обобществление всех сторон быта трудящихся» как утопическое и «оппортунистическое» начинание [2]. Вслед за этим постановлением в советской историографии утвердился односторонний подход к изучению истории проектирования и строительства домов-коммун. Она стала свидетельством «незрелости архитектурной теоретической мысли» и «неумения сопоставлять цели архитектуры с материальными возможностями» [3. С. 48]; соответственно, принятие постановления было логически обусловленным шагом. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть запрет строительства домов-коммун в Новосибирске как сложный и многоаспектный процесс.

Одна из наиболее громких дискуссий о домах-коммунах в Новосибирске связана со строительством жилого дома для специалистов завода сельскохозяйственной техники Сибкомбайн (ул. Октябрьская, 38 и 40).

И.В. Невзгодин справедливо отмечает, что это здание занимает «особое место в истории сибирской архитектуры» [4. С. 69].

Проект дома специалистов был составлен архитекторами Б.А. Гордеевым, С.П. Тургеневым и Д.И. Козьминым и предусматривал строительство двух соединенных переходом корпусов со 100 индивидуальными квартирами. «Обобществленный сектор» состоял из столовой, читального зала, красного уголка и некоторых других общественных помещений [Там же]. 14 февраля 1930 г. проект был негативно оценен инженерно-технической секцией Сибкомбайнстроя, которая постановила «считать недопустимым постройку дома с квартирами старого типа». С этого момента, как писала газета «Советская Сибирь», «началась борьба вокруг проектов» [5]. В марте на обсуждение инженерно-технической секции поступил проект, составленный инженерами-строителями Д.М. Агеевым и Г.Е. Степанченко [5].

Агеев и Степанченко были выпускниками Сибирского технологического института (СТИ) в Томске. Оба являлись сторонниками идей конструктивизма, участвовали в Первой выставке современной архитектуры РСФСР в Москве (1927 г.) и в работе томской группы Объединения современных архитекторов (ОСА). У Агеева уже был опыт проектирования домов-коммун: в 1929 г. он выполнил проект дома-коммуны для специалистов Сибирского краевого совета народного хозяйства [4. С. 60–61].

Проект Агеева и Степанченко предполагал «более радикальные меры» обобществления быта, чем в проекте Гордеева, Тургенева и Козьмина: отсутствие индивидуальных кухонь и ванных комнат, раздельное проживание детей и родителей [Там же. С. 70]. Из технических преимуществ проекта отмечалось использование шлакобетона, значительно удешевляющее стоимость строительства [5]. Тем не менее строительство дома специалистов Сибкомбайна началось по старому проекту. Против варианта Агеева и Степанченко выступил строительный трест «Сибкоммунстрой», представитель которого утверждал, что в Новосибирске не налажено производство шлакобетона (хотя здания, построенные из шлакобетонных камней, в городе уже имелись) [5].

В апреле 1930 г. в новосибирском Клубе совторгслужащих прошел диспут о домах-коммунах. В нем, помимо Агеева и Степанченко, участвовала ударная бригада студентов СТИ. «Советская Сибирь» отмечала, что «все выступавшие <...> считали бесспорной необходимостью строить жилища, обобществляющие быт. Не раздалось ни одного голоса в пользу индивидуальных квартир» [6]. Впрочем, на диспуте «почти не было рабочих, в особенности работниц», поэтому некоторые «жгучие вопросы нового быта» затронуты не были [6].

К маю ситуация вокруг проекта Агеева и Степанченко обнажила «существенные пороки в советском аппарате» [5]. В обсуждении проекта участвовали партийная ячейка Сибкомбайнстроя, управление окружного инженера, Сибирская краевая рабоче-крестьянская инспекция (СибРКИ), ряд архитекторов. К этому времени на сторону Агеева и Степанченко встал председатель Новосибирского окружного исполнительного комитета И.Г. Зайцев. «Советская Сибирь» писала: «Политическая же окраска дела несомненна. Борьба за проект Агеева и Степанченко углубила расслоение в среде специалистов, заставила еще более сплотиться активных и сознательных сторонников социалистического строительства...» [5]. В том же номере газеты от 18 мая была опубликована заметка о строительстве в Новосибирске нескольких домов-коммун с раздельным проживанием возрастных групп (отдельные комнаты для грудных детей, для детей до 13 лет, для «молодежи от 13 до 16 лет» и для взрослых) [5].

Однако за два дня до выхода упомянутой выше статьи – 16 мая 1930 г. – ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе по перестройке быта». Оно резко критиковало идеи обобществления и коммунального быта как «вредные утопические начинания, не учитывающие материальные ресурсы страны и степень подготовленности населения» [2]. В газете «Правда» постановление было опубликовано 29 мая. По всей видимости, вследствие этого весть о фактическом запрете строительства домов-коммун дошла до Новосибирска с некоторым опозданием.

28 мая (то есть за день до публикации постановления в «Правде») СибРКИ утвердила «преимущество проекта инженеров Степанченко и Агеева». Проект также был поддержан Всесоюзным обществом работников по рационализации строительства и промышленности строительных материалов (ВОРС) [7].

30 мая «Советская Сибирь» поместила заметку о постановлении ЦК ВКП(б), в которой был приведен его фрагмент без упоминания о «немедленном и полном обобществлении всех сторон быта» [8]. Вероятно, и журналисты, и архитекторы не придали заметке должного внимания, поскольку 1 июня «Советская Сибирь» вышла со статьей с громким подзаголовком «Дело за выполнением». В ней отмечалось, что новосибирская общественность «будет успокоена окончательно лишь после того, как проект гг. Степанченко и Агеева будет осуществлен» [7].

Но уже на следующий день, 2 июня, постановление «О работе по перестройке быта» было снова опубликовано (теперь уже полностью) в той же «Советской Сибири». Оно сопровождалось неожиданной и разгромной критикой проекта дома-коммуны: «...Тт. Агееву и Степанченко, при опоре на строительную секцию “Сов[етской] Сибири”, удалось зацепить-

ся за какую-то часть аппарата РКИ и протащить решение РКИ об осуществлении постройки дома <...> Надо полагать, что <...> неверное решение будет отменено. <...> “Левацкие” перегибы и заскоки имеются не только в практике деревенской, но и в практике нашей работы в городе...” [9]. Автору статьи также пришлось оправдываться за предыдущие публикации о проекте.

В конце концов жилой дом для специалистов Сибкомбайна был возведен по изначальному проекту Гордеева, Тургенева и Козьмина. Строительство домов-коммун в Новосибирске прекратилось. Уже построенные или возводившиеся дома-коммуны были впоследствии перепланированы и превратились в обычные многоквартирные дома. Постановление ЦК ВКП(б) нанесло удар по позициям архитекторов-конструктивистов и стало первым шагом на пути к «ликвидации» этого архитектурного направления, которая произошла в середине 1930-х гг.

На основании рассмотренных материалов можно сделать следующий вывод. На стороне Д.М. Агеева и Г.Е. Степанченко, отстаивавших идею полного «обобществления быта», были и местные органы исполнительной власти (окрисполком), и государственно-партийные органы (СибРКИ), и научные общества (ВОРС), и средства массовой информации («Советская Сибирь»), и часть студенчества (СТИ). Противодавление им оказывали прежде всего хозяйственные организации, и их претензии были связаны с технической стороной проекта. Так или иначе, в Новосибирске не сложилось никаких объективных предпосылок к прекращению строительства домов-коммун. Развитие этой идеи, связанной с поиском ответа на «жгучий вопрос нового быта», было искусственно прервано партийным постановлением, т.е. «сверху».

Литература

1. *Лебина Н.Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 488 с.
2. *О работе по перестройке быта.* Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М., 1984. С. 118–119.
3. *История советской архитектуры, 1917–1954 гг.* / под общ. ред. Н.П. Былинкина и А.В. Рябушина. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1985. 256 с.
4. *Невзгодин И.В.* Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. Новосибирск: Изд-во НГАХА, 2013. 319 с.
5. *Отчет о пышных похоронах* // Советская Сибирь. 1930. 18 мая.
6. *Диспут о доме-коммуне* // Советская Сибирь. 1930. 16 апр.
7. *Коллегия СибРКИ* предложила строить дом Сибкомбайна по проекту Степанченко и Агеева // Советская Сибирь. 1930. 1 июня.

8. *Утопические проекты* вредят перестройке быта // Советская Сибирь. 1930. 30 мая.

9. *Об одном несвоевременном проекте и о «машине», вырвавшейся из рук»* (по поводу проекта гг. Степанченко и Агеева) // Советская Сибирь. 1930. 2 июня.

Atapin I.I. "A BURNING ISSUE OF NEW LIFE": THE BAN ON HOUSES-COMMUNES IN NOVOSIBIRSK

The paper examines an episode from the history of Siberian town planning. It was related to the discussion about the construction of a house-commune for the Sibkombain factory in Novosibirsk. The first project of this house was criticized for the lack of collectivization and socialization of life. Another project, designed by young architects D.M. Ageyev and G.E. Stepanchenko, suggested radical measures such as the absence of individual kitchens and bathrooms. Local executive authorities, state-party bodies, scientific societies, and the media supported this idea. The development of the house-commune concept was interrupted by the resolution of the VKP(b) in May 1930 which banned the construction of houses-communes.

Keywords: architecture, Constructivism, Novosibirsk, houses-communes.

Д.Н. Бобин

ТРАДИЦИИ КРАСНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЗДНЕИРМЕНСКОМ БРОНЗОЛИТЕЙНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Науч. рук. – канд. ист. наук, доцент И.А. Дураков

В статье рассматриваются межкультурные взаимодействия древних племен эпохи поздней бронзы и переходного периода от бронзового века к железному в Обь-Иртышском междуречье, в частности особенности заимствований производственно-технологических стандартов в производстве изделий из цветного металла. В процессе исследования автором проведен сравнительный анализ профессиональной оснастки литейщиков красноозерской и ирменской культуры выделены характерные черты каждой из них. Прослежено проникновение красноозерских технологических стандартов в ареал позднеирменской культуры.

Ключевые слова: бронзовый век, красноозерская культура, ирменская культура, межкультурные взаимодействия, бронзолитейное производство, металлообработка.

В переходное время от бронзового века к железному в лесостепной зоне Западной Сибири в междуречье Оби и Иртыша фиксируются крупные археологические комплексы, отличительной чертой которых являет-